

Г-н Эдвард ФЕНЕК АДАМИ (Премьер-министр, Мальта) (перевод с английского): Встреча глав государств и правительств государств - участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе является своего рода уникальным событием. Как и его цель. Если я правильно понимаю, оно имеет не меньшее значение, чем официальное провозглашение нового Pax Europea, а также торжественная закладка первых камней в фундамент соответствующих международных институтов, к созданию которых оно призывает.

Это торжественное событие стало сейчас возможным, поскольку прошлый, 1989 год, является таким годом, который, по всей видимости, историки признают годом фактического окончания второй мировой войны, конца второй фазы войны, длившейся 44 года, той нескончаемой "холодной" фазы, когда Европа была разделена на две части, застывшие в своей враждебности. Лед был настолько прочным, что процесс размораживания, протянувшийся от Хельсинки до Парижа, длился целых 15 лет.

С одной стороны, ялтинская договоренность между великими державами и расчленение в соответствии с ней Европы на две отдельные части сейчас уже видится не просто как подготовка конца "горячей" фазы второй мировой войны. Она явилась также официальным провозглашением начала "холодной" фазы войны в рамках идеологического и экономического конфликта, который поддерживался гонкой вооружений и созданием других институтов холодной войны: от военных пактов и политических блоков до берлинской стены и создания нами в отношении друг друга мифических образов врага в их архаическом виде. С другой стороны, сегодня Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятый в Хельсинки в 1975 году, может рассматриваться как шедевр миротворческих усилий, на деле положивший начало процессу окончания второй мировой войны. В частности, он выявил взаимодополняющий характер военных и политических, а также экономических и культурных аспектов безопасности. Это было сделано путем рассмотрения неотделимых друг от друга вопросов вооружений и прав человека.

Возможно, нелишне напомнить о том, что первая Декларация прав человека, ассоциирующаяся с французской революцией, исторически совпала с изменением в теории и практике ведения войны, что проявилось в новом институте воинской повинности - обязательном призыве всех дееспособных мужчин в вооруженные силы.

Хельсинкский Заключительный акт отражал в некотором смысле развитие доктрины прав человека от чисто индивидуалистических политических и культурных прав, признанных в первых декларациях, до недавнего добавления социальных прав и прав в области экологии; он также указал путь к сопоставимым изменениям в военных концепциях - изменениям, которые все еще требуют своего полного завершения.

Хельсинки были, однако, только первым шагом к завершению политической ледниковой эпохи в Европе. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе начало свою работу, еще находясь в крепких тисках холодной войны.

Дело было за коллективными переговорами между двумя сторонами с реалистическим признанием через их участие той важной роли, которые играют Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик в европейских делах. Именно этот факт, как ни парадоксально, дал возможность тем, кто не состоял в военных союзах, сыграть свою роль в наведении мостов.

И только в декабре 1989 года на Мальте, вокруг которой бушевал шторм, без лишних слов, но достаточно красноречиво, наследники двух главных действующих лиц ялтинских договоренностей открыто заявили о прекращении холодной войны и договорились о деле, которое позволило окончательно расформировать аппарат, сопровождавший эту холодную войну.

Я рад тому, что лично имел возможность не только предоставить место для проведения этой встречи, но и был одним из первых, кто прошел через разделительную линию в Берлине, которая все еще была отмечена остатками Стены и правами западных союзников на части этого города. Мне также было очень приятно, что Мальта была первым иностранным государством, которое официально посетил президент объединенной Германии, освобожденной от последних уз мировой войны. Огромная туча, бросавшая тень на наше недавнее прошлое, наконец развеялась.

Сейчас перед нами стоит новая задача, а именно: создание институтов, которые могут стать основой нового мирного порядка в Европе, не только в одной части нашего континента, но и во всей Европе, даже если мы до сих пор не можем точно определить ее границы.

В этой связи я хотел бы сделать три замечания. Первое. Очевидно, что необходимо сохранять непосредственную связь, установленную в хельсинкском акте между военным и политическим аспектами безопасности, но при этом основной упор должен все более смещаться на строительство мира путем сотрудничества.

Осуществление альтернативных оборонительных стратегий по всей Европе должно сопровождаться более активной приверженностью тщательному созданию механизмов сотрудничества.

Экономика не является единственным фактором, определяющим форму нашего существования, но, возможно, экономические отношения - это та сфера, где демократия должна развиваться быстрее всего.

Это прежде всего касается каждой из наших соответствующих стран. Обмены в экономической области между государствами, как мы знаем из нашего опыта, не всегда обязательно являются средствами взаимного обогащения. Они могут легко превратиться в средства подчинения, если они не будут осуществляться между сопоставимыми системами.

Возможности развития общеевропейских торговых связей, которые действовали бы на необременительных и справедливых, равноправных условиях, были бы более совершенными, если бы наши национальные экономические системы стали более демократичными.

Я подчеркиваю эту точку зрения, поскольку, как показывает недавний опыт, повороты в лучшую или худшую сторону в международном сотрудничестве так же обуславливаются внутренней динамикой национальных экономик различных стран, как те, в свою очередь, обуславливаются международной конъюнктурой.

Самой многообещающей чертой нынешнего состояния в Европе с точки зрения создания новых механизмов сотрудничества является растущая конвергенция между всеми европейскими странами на основе выбора смешанной экономической системы, которая объединяет рыночные факторы с социальной стратегией и где производство идет не на укрепление могущества государства или капитала, а на повышение благосостояния человека, личности и общины.

Второй вопрос, который мне хотелось бы поднять, касается концепции безопасности. В более широком смысле, как я полагаю, безопасность означает справедливую гарантию того, что изменение в общине обеспечивается, прежде всего, за счет местных факторов, а не за счет навязывания извне и поэтому идет через эволюцию, а не через катаклизмы.

Несомненно, это предполагает, что безопасность будет иметь военный аспект до тех пор, пока существует внешняя угроза. Однако это не означает, что военная доктрина, существовавшая до настоящего времени, должна применяться и в будущем, так как она применялась в самом недавнем историческом прошлом Европы, но только с изменением уровня вооружений.

Безопасность может быть совместима с изменением системы путем, например, выбора оборонительных, непровоцирующих видов вооружений, а не оружия ответного удара. Выбор вооружений обычно определяется образом потенциального противника, а их уровень зависит от потенциальных объектов конфликта.

Однако наша цель должна заключаться в том, чтобы, насколько это возможно, избегать применения или угрозы применения силы, явно или косвенно. Трудно предусмотреть, как можно достичь этой цели, если мы не договоримся о приемлемой системе мирного урегулирования споров. Однако две встречи, касающиеся этого вопроса, в Монре в 1978 году и в Афинах в 1984 году, не привели к достижению какого-либо значительного прогресса.

Третья возможность представится в январе следующего года на Мальте. Третья неудача вступила бы в противоречие с развитием событий в Европе, о которых говорим мы здесь, в Париже.

Другим аспектом безопасности, который любая приемлемая система должна учитывать, является безопасность малых государств, которые особенно уязвимы, поскольку они не могут рассчитывать на сильные национальные вооруженные силы. Агрессивные действия Ирака открыли глаза на необходимость для малых государств добиваться особого рассмотрения этих вопросов при разработке реалистичной системы безопасности, которая была бы направлена на предотвращение опасности и на быстрый ответ в возможной ситуации.

Третий вопрос, который мне хотелось бы поднять, касается Средиземноморья. Признание в хельсинкском Заключительном акте того факта, что безопасность и сотрудничество в Европе связаны с безопасностью и сотрудничеством в Средиземноморье, остается сегодня в силе так же, как и все другие его положения.

Были выдвинуты предложения о проведении конкретного форума для рассмотрения вопросов, касающихся Средиземноморья. Трудности на пути его создания еще не преодолены. До тех пор пока не будет создан такой форум, СБСЕ не может забывать о тех трудностях, с которыми сталкиваются прибрежные государства Европы, находящиеся на южных берегах этого моря.

В этой связи Мальта неоднократно предлагала создать сеть функциональных институтов, которые могут составить основу сотрудничества, несмотря на все существующие различия. В любом случае процесс СБСЕ не будет полным до тех пор, пока не будет обеспечена безопасность в Средиземноморье.

Вряд ли необходимо говорить о том, что Мальта намеревается по-прежнему принимать всестороннее участие в СБСЕ, как она делает это и в других международных организациях. Какой бы маленькой страной мы ни были и какими бы скромными ни были наши ресурсы, мы понимаем необходимость всячески способствовать тому, чтобы удовлетворялись требования, связанные с работой таких организаций.

В результате Парижского совещания эти потребности, видимо, возрастут. Выражая уверенность в том, что создание нового мирного порядка в Европе потребует совместных действий, мы не будем избегать выполнения этих дополнительных обязанностей.

Наше стремление стать полноправным членом европейского сообщества никоим образом не уменьшает нашей приверженности Европе в целом, Европе СБСЕ, Европе, принадлежащей ее народам. Мы считаем, что успех СБСЕ в Хельсинки был вызван главным образом тем фактом, что он отражал глубокие чаяния народов Европы.

С тем чтобы быть верным этому изначальному устремлению, строительство "большой Европы" не может осуществляться по устаревшему сборнику норм государственного строительства, который применялся в девятнадцатом веке.

Г-н Фенек Адами

Это не может быть вопросом, решаемым лишь между правительствами. Он должен включать открытие множественных и разнообразных каналов связи между всеми нашими народами.

Только когда это произойдет, мы сможем быть действительно уверены в том, что Европа перестанет быть опасным местом для жизни, какой она, к сожалению, была на протяжении большей части своей истории, и в этом случае сделает еще более глубокой нашу благодарность французскому правительству и властям Парижа за организацию многосторонней деятельности в рамках этой встречи и за оказанное нам щедрое гостеприимство - прекрасное сочетание сердечности и разума, которое может послужить символом духа нового Рах Еуропа, для провозглашения которого мы здесь собрались.